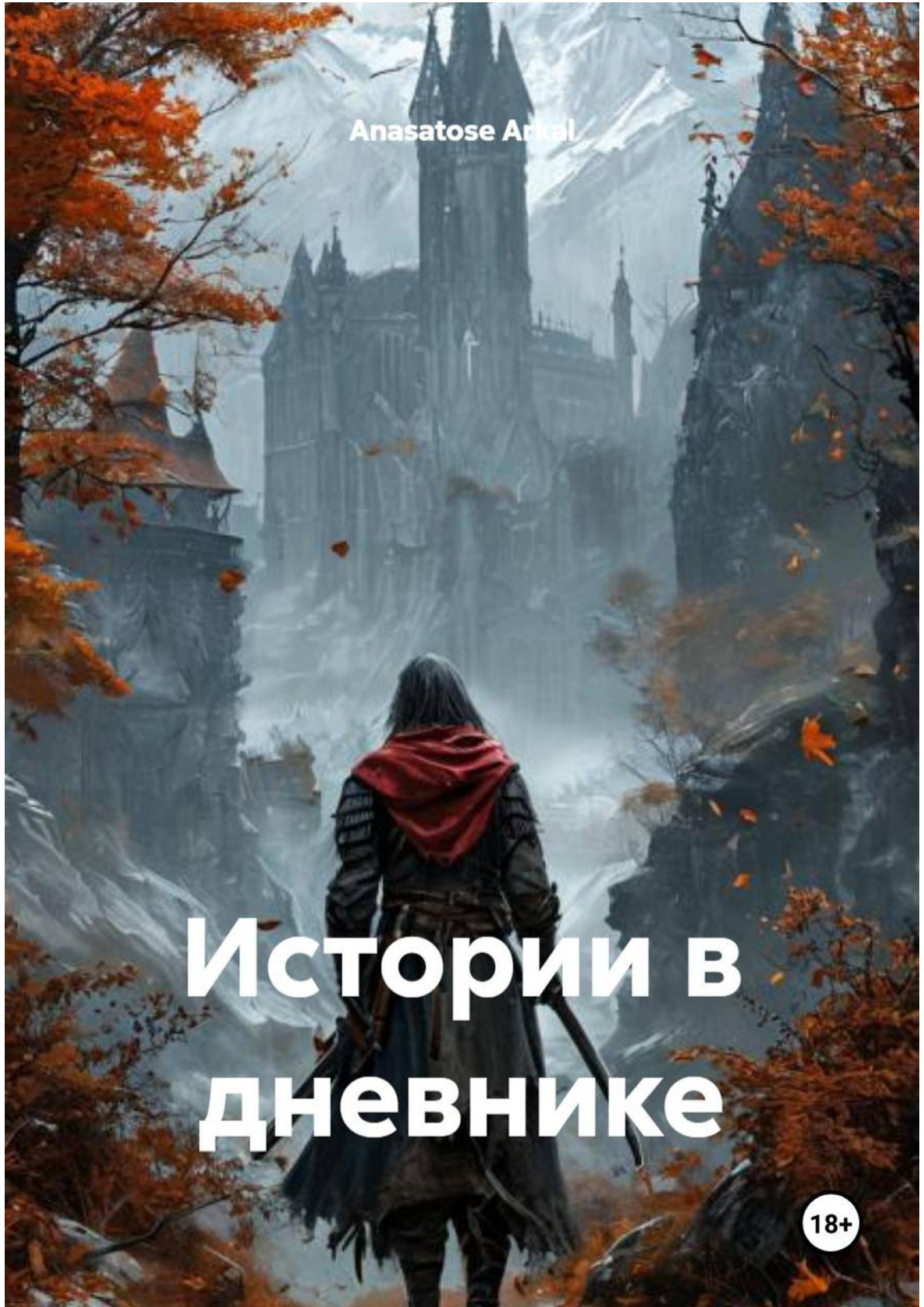

A person with long dark hair, wearing a dark coat and a bright red hooded cloak, stands with their back to the viewer. They are looking towards a large, dark, gothic-style castle with multiple spires and towers. The castle is situated in a misty, forested area with tall, thin trees. The ground is covered with fallen orange and red leaves, suggesting an autumn setting. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Anasatose Arkal

Истории в дневнике

18+

Anasatose Arkal

Истории в дневнике

«Автор»

2026

Arkal A.

Истории в дневнике / А. Arkal — «Автор», 2026

Туманы, тёмные миры, мрачные тайны...Атмосфера щемящего одиночества и жестокой борьбы за выживание...Печально? Возможно. Но даже в самых непростых ситуациях герои находят дружественную руку, плечо, опору, которая не позволяет окончательно пасть в бездну отчаяния, ибо в любой темноте всегда отыщется источник света.Тринадцать небольших миниатюр жанра дарк фэнтези погрузят читателя в миры, где каждый шаг - это поле битвы, а каждый герой находит именно то, что заслуживает своими деяниями.

© Arkal A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Встреча в очереди за чёрным хлебом	5
Возрождение	10
Хроника Бестелесного: Чернила и Прах	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Anasatose Arkal

Истории в дневнике

Встреча в очереди за чёрным хлебом

Туман в этот вечер был не просто явлением погоды; он был сущностью, живым и голодным. Он лизал стены прокопчённых домов, заползал в узкие переулки Пятого Квартала и настойчиво стелился под ноги, цепкий и влажный, как саван. Я шёл по булыжникам, воротник старого плаща поднят, но ледяная сырость уже пробиралась под одежду, ища лазейки к телу. Цель моя была незначительна и ритуальна: лавка «У Седого Ворона», буханка чёрного ржаного хлеба, ужин, тишина, четыре стены моей каморки под крышей. Единственные пункты в расписании одинокого человека в городе, где чужие глаза скользят по тебе, не задерживаясь.

Лавка ютилась в арке между двумя мрачными особняками, её вывеску — потрёпанную птицу с облупленным клювом — почти скрывала вечная тень. Колокольчик над дверью звякнул сипло и неохотно, словно делал мне одолжение. Внутри воздух был гуще, чем на улице: запах старости, застоявшейся пыли, сушёных грибов, дешёвого церковного воска и главное — тяжёлого, влажного, кисловатого аромата ржаного теста. Это был не аппетитный запах. Это был запах выживания.

Очередь состояла из трёх фигур, каждая — готовая гравюра для сборника городских типажей. Впереди — старуха, закутанная в слои тряпья, цвета которых давно сдались в борьбе с грязью и временем. Она что-то безостановочно бубнила, обращаясь к пустоте у своих ног. За ней — мужчина в потёртом сюртуке, с лицом, на котором постоянная усталость вытеснила все остальные эмоции. Он смотрел в одну точку, пустой взгляд, устремлённый сквозь прилавок и стену. И третий.

Он стоял прямо передо мной, и контраст был столь разителен, что я на мгновение заподозрил игру света от коптящей лампы. Высокий, почти касающийся низкого потолка балками. Длинный плащ из плотного, когда-то дорогого, серо-черного сукна, по краям ветхом, но тщательно заштопанном. Застёжки — не крючки и не пуговицы, а тонкой работы серебряные пряжки в форме стилизованных летучих мышей, с крошечными гранатами вместо глаз. Под плащом угадывались строгие линии камзола и высокие сапоги. Он не двигался. Не постукивал пальцами, не переминался. Он был воплощённым терпением, статуей, внезапно возникшей в этой убогой очереди. Его внимание целиком поглотила витрина — пыльная полка за мутным стеклом, где среди пучков неизвестных трав и склянок с мутными жидкостями покоились диковинки: засушенная лапа лягушки-мутанта, пучок вороньих перьев, связанный серебряной нитью, и этикетка с корявым почерком: «Глаза тритонов. Настоящие(сомнительно)».

— Следующий! — голос тётки Марты, хозяйки лавки, прозвучал как удар скребка по ржавому железу.

Фигура в плаще плавно двинулась вперёд. Не шаг, а скорее течение.

— Мне, пожалуйста, буханку вашего чёрного хлеба, — произнёс он. Голос. Он был негромким, но заполнил всё пространство лавки, вытеснив шёпот старухи и тяжёлое дыхание клерка. Это был голос, привыкший говорить в тишине библиотек или под сводами залов, голос

с бархатной глубиной и лёгким, характерным надломом — едва уловимой хрипотцой, будто его обладатель слишком часто говорил шёпотом или слишком долго молчал.

Тётка Марта, существо из морщин и костей, с лицом, напоминающим высушенную картофелину, щурясь, глянула в пустую плетёную корзину у своей ноги.

— Последнюю забрали, — выдохнула она, указывая костлявым пальцем на пустоту, как бы обвиняя её. — Печь остыла. Завтра к полудню.

Наступила тишина, но не мирная. Она сгустилась, стала упругой и тяжёлой. Я увидел, как спина незнакомца напряглась под плащом. Его рука в чёрной кожаной перчатке медленно поднялась и опустилась на прилавок. Не стукнула, а легла. И под этим касанием массивная дубовая доска, казалось, слегка прогнулась, издав тихий стон.

— Понимаете, — сказал он. Тихо. Но каждое слово падало в тишину с весом свинцовой печати. — Это не просто хлеб. Это... необходимый ритуал. Формальность, которую я обязан был соблюсти сегодня, прежде чем приступить к... более серьёзным делам. Я дал слово. Сегодня. Эта буханка.

В его словах не было ни каприза, ни раздражения покупателя. Была холодная, отточенная грань обречённости. Он говорил о хлебе так, как говорят о последнем компоненте для зелья, от которого зависит жизнь, или о пароле, который нужно назвать стражу у запретных врат. Его трагедия, пусть и микроскопическая в масштабах города, была для него в этот момент абсолютной.

Я посмотрел на свёрток в своих руках. Бумага была тёплой, живой. Я чувствовал под пальцами шероховатость корки, её вес. Моя рутина. Мой скучный, предсказуемый якорь в этом море тумана. И внезапно я осознал всю беспросветную пустоту этого ритуала. Вернусь. Разверну. Буду есть. В тишине. Слушать, как скрипят половицы. Смотреть, как сгущается мрак за окном. Снова.

И прежде чем разум успел оформить мысль, рука уже действовала сама.

— Возьмите мою, — прозвучал мой голос, более грубый и обыденный после его речи.

Он обернулся. Не резко, а с той же леденящей плавностью. И впервые я увидел его лицо при свете лампы.

Бледность была не болезненной, а аристократической, мраморной, оттенённой угольной чертой идеально очерченных бровей. Скулы высокие, нос с лёгкой горбинкой, придававший профилю хищную изящность. Губы тонкие, слегка поджатые. Но главное — глаза. Тёмные, как вода в колоде без дна, они смотрели на меня с такой интенсивностью изучения, будто я был не человеком, а сложным манускриптом на забытом языке. В их глубине мерцала непостижимая, древняя печаль, но сейчас её на мгновение вытеснило чистое, немое изумление.

— Вы... отдаёте? — он произнёс это слово с придыханием, как если бы я предложил ему не буханку, а свежесорванное собственное сердце. — Последнюю буханку в этом... заведении. Незнакомцу. Без причины.

Я почувствовал неловкую улыбку на своих губах.

— Выглядите так, будто ваш ритуал важнее моего ужина. А голод — дело поправимое. Завтра испекут новую.

Его взгляд скользнул с моего лица на хлеб, потом снова ко мне. Какая-то внутренняя борьба, молниеносная и яростная, отразилась в его глазах. Затем он медленно, почти церемониально, протянул руку. Его пальцы в тонкой перчатке коснулись моих. Даже сквозь кожу и ткань я почувствовал холод, не зимний, а глубинный, как холод камня в подземелье.

— Благодарю вас, — он кивнул, и это был не кивок, а полновесный, почти средневековый поклон головы, в котором угадывалась многовековая привычка к церемониям. — Эта... неожиданная щедрость. В таком месте. В такое время. Она не останется без ответа. Меня зовут Кассиан Валторн.

— Арвин, — выдохнул я, внезапно осознав, что забыл, как представляться. — Просто Арвин.

— Арвин, — повторил он, и моё имя на его языке обрело незнакомое благозвучие, значительность. — Вы, я полагаю, не из здешних кровей. В вашей речи нет... клейма болот.

— Я здесь всего пару лет. А вы? Явно не за хлебом в Пятый Квартал забрели.

Тень улыбки, быстрая, как полёт летучей мыши, тронула его губы.

— Проницательно. Нет. Я ищу... одну вещь. Очень старую. И очень опасную. А сегодняшний вечер был последним днём, когда я мог исполнить старый семейный обет — преломить хлеб этой марки в канун начала пути. Глупость? Возможно. Но честь для моей семьи всегда была сложнее простой логики. Ваш хлеб, — он взвесил свёрток на руке, — сберёг мою честь. Пусть это и звучит нелепо в ушах практичного человека.

Он повернулся к тётке Марте, достал из складок плаща кошелек и положил на прилавок монету. Не тот медяк, что платил я, а мелкую серебрянку. Она блеснула тускло, но уверенно.

— За хлеб этого джентльмена, — сказал он хозяйке, и та, впервые за вечер, проявила нечто вроде интереса, сузив глазки до состояния щелей.

Затем он снова повернулся ко мне.

— Я должник, Арвин. Долг чести — самый тяжкий. Позвольте хотя бы отчасти его компенсировать. Вы не питаетесь, часом, готическими балладами? Или, по крайней мере, терпимо относитесь к скверному элю?

Я смотрел на него, на этого призрака из иного мира, занесённого туманом в мою унылую реальность. Опасность вилась вокруг него незримым шлейфом. Одиночество же вилось вокруг меня плотным, удушающим коконом. Выбор, по сути, был между предсказуемой тоской и непредсказуемым... чем-то.

— Знаете, Кассиан, — сказал я, и мои слова прозвучали для меня самого удивительно твёрдо, — я как раз обнаружил, что терпеть не могу есть в одиночестве. А скверный эль, как правило, лучше очень скверной воды.

— В таверне «Забвение», что у Старого Моста. Через час. Спросите музыканта с лютней, у которого нет трёх пальцев на правой руке. Скажете, что ищете графа, — он снова кивнул, и на этот раз в его взгляде мелькнул огонёк, не печальный, а почти озорной. — И, Арвин... спасибо. За хлеб. И за то, что не спросили, зачем мне понадобились глаза тритона.

Он вышел, и колокольчик звякнул уже как-то по-другому, словно прощаясь с кем-то важным. Туман за дверью на мгновение поглотил его силуэт, и он исчез.

Я остался стоять с пустыми руками, но с странным, непонятным чувством лёгкости в груди. Голод никуда не делся. Но он приобрёл новый вкус — вкус ожидания.

Через час, протискиваясь сквозь толпу в душной, прокопчённой таверне «Забвение», сквозь рёв пьяниц и заунывные аккорды баллады о Спящем Графе, я увидел его. Он сидел в углу, в тени, за столиком, на котором уже стояли две кружки тёмного, пахнущего дымом эля. Увидев меня, он не помахал, лишь слегка приподнял свою кружку.

Так началось всё. Началась дружба, которая позже пройдёт сквозь ледяные склепы Норд-марка, где наши дыхание превращалось в алмазную пыль, а древние мертвецы шептались за спиной, которая выдержит пытки в подвалах Инквизиции Серебряного Креста, где Кассиан, истекая кровью, будет твердить мне на ухо зашифрованные строки из поэмы, чтобы я не сломался. Которая расколется пополам клан Теневых Купцов, когда мы выкрадем у них Реликвию Лунного Шёпота. Мы спасали друг другу жизни так часто, что потеряли счёт. Он научил меня языку древних рун и искусству тихой походки. Я научил его, как отличить настоящий яд паука-отшельника от подделки по запаху и как играть в кости так, чтобы проигрывать с достоинством и выигрывать без шума.

И позже, много позже, когда мы, привалившись спинами к стенам разрушенной часовни, будем делить последний глоток воды и смотреть, как восходит багровое солнце над полем битвы с культистами Бездны, он скажет, перевязывая мою рану на плече обрывком своего плаща:

— Всё из-за хлеба, Арвин. самого дешёвого, чёрного, кислого хлеба в самом убогом уголке этого проклятого города. Иногда я думаю, что это была магия. Не та, что в книгах, а та, что в простых жестах.

— Всё из-за очереди, Касс, — поправлю я его, передавая флягу. — Если бы старуха впереди тебя не торговалась за три гнилых корня мандрагоры... Если бы я решил прийти на пять минут позже... Если бы...

— Не «если бы», — перебьёт он, и в его усталых, вечно печальных глазах вспыхнет знакомый огонёк. — Это была не магия и не случай. Это была редкая, чистая порядочность в мире, где её почти не осталось. И я, носитель десятка древних и тёмных имён, был спасён ею. С иронией, да. Но спасён.

Он отпивает, и я вижу, как по его бледной щеке, изрезанной новым шрамом, стекает капля, и это не дождь.

— Значит, судьба? — спросил я.

— Нет, — покачал головой Кассиан. — Не судьба. Выбор. Твой выбор в той лавке. Мой — пригласить тебя. Вся наша жизнь с тех пор — цепь выборов. И самый важный был самым простым: отдать кусок чёрствого теста. Никогда не недооценивай силу простого хлеба, мой друг. Иногда в нём заквашена целая вечность.

И мы сидели молча, слушая, как ветер играет на развалинах, как далеко-далеко каркает ворон. У меня больше не было своей буханки хлеба, своей тихой комнаты, своего одинокого ритуала. Вместо этого у меня был Кассиан. Граф в изгнании. Охотник за реликвиями. Мой лучший и самый опасный друг. А у него был я. Человек, который однажды в туманный вечер сделал простой, глупый, щедрый выбор. И навсегда изменил историю.

Возрождение

К горизонту. Точно кто-то провёл по рыжей осенней траве гигантской чёрной кистью. Неудачный мазок. Шрам. Овраг.

Марат не свернул. Он никогда не сворачивал. Его принцип — прямая линия, кратчайшее расстояние между точками. Между «надо» и «сделано». Между утром и вечером. Между жизнью и... чем-то, что идёт после. Мысль о «после» была единственной кривизной в его прямом мире, и он гнал её, как назойливую муху. Он бежал. Не для здоровья, не для удовольствия. Для порядка. Чтобы кровь гудела в ушах и заглушала всё остальное. Чтобы тело, этот сложный механизм, работал без сбоев. Он считал удары сердца о рёбра. Семьдесят. Восемьдесят. Сто. Ровно.

Край оврага возник внезапно, будто земля под ним вздохнула и разверзлась. Прямая линия прервалась. Нога, привыкшая к упругой почве трассы, ступила в пустоту. Мир опрокинулся. Небо ушло под ноги, земля встала ребром. Он не закричал. Крик — это сбой, признак паники. Он лишь подумал, отстранённо, словно наблюдая за другим: «Интересно, какая будет травма?».

Удар.

Не сразу. Сначала было тихо. Тишина после лопнувшей струны. Он лежал на спине, глядя в узкую полоску неба над оврагом. Оно было нестерпимо синим, холодным, равнодушным. Боль пришла волной. Не острая, а глухая, давящая, исходившая ото всюду. Он попытался пошевелиться. Правая нога ответила прострелом в мозг. Руки повиновались с трудом. Он дышал. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Это было единственное, что ещё работало по плану.

Он пролежал так час. Или два. Время потеряло линейность, растеклось лужицей. Он считал вдохи, чтобы не сойти с ума. Семьсот. Восемьсот. Тысяча. Мысли, обычно чёткие, как военные построения, разбрелись. Всплывали обрывки: недописанный отчёт, лицо женщины в метро, вкус утреннего кофе. Всё это казалось дико далёким и невероятно мелким. Он не чувствовал страха. Лишь огромную, вселенскую усталость. И холод. Холод, который полз изнутри, из самой сердцевины костей.

Смерть, подумал он, будет именно такой. Не вспышкой, а медленным остыванием. Выключением систем одна за другой.

И тут его нашёл прохожий.

Не герой. Не спасатель. Авантюрист. В старом кожаном плаще, пахнущем дымом и чем-то чужим, пряным. Человек с безумными, весёлыми глазами, в которых прыгали отсветы далёких костров.

Опа-на! — сказал прохожий, заглянув в овраг. — Кого ветром принесло?

Он не мог ответить. Авантюрист спустился вниз легко, почти игриво, осмотрел его.

- Ладно, — вздохнул он, будто разглядывая сломанную игрушку. — Тащить тебя, ясное дело, нельзя. Остаётся одно — оживить на месте. Или как минимум донести до цивилизации.

У него была с собой фляга. Не с водой. С чем-то густым, тёмным, обжигающе-горьким. Он влил ему в рот глоток.

— Пей, скелетик. Это не для тела. Это для... ну, для того, что пока ещё внутри шевелится.

Горечь разлилась огнём. И мир перевернулся во второй раз. Боль отступила, не исчезнув, а отодвинувшись, словно за толстое стекло. Марат почувствовал, как что-то внутри него... ломается. Не кость. Что-то важнее. Какая-то внутренняя опора, стержень, на котором всё дер-

жалось. Он слышал тихий, чистый звук, будто лопнула струна из чистого хрусталя. И стало пусто.

Авантюрист что-то делал с его ногой, говорил без умолку, смеялся. Марат не слушал. Он прислушивался к тишине внутри. К той новой, огромной пустоте, которая заняла место его «Я». Его имя — Марат — отозвалось где-то на периферии сознания, как эхо в заброшенном зале. Оно больше ничего не весило. Не обязывало. Не определяло.

Его дотащили до города. Города с колючим, чужим названием — Викеи.

Здесь всё было иначе. Воздух был плотным, напоённым запахами, которых он не знал: металла, озона, горячего масла и чего-то сладковато-гнилого. Здания лепились друг к другу, кривые, выщербленные, покрытые потеками ржавчины и дикими, ядовитыми граффити. Люди смотрели сквозь него, на него, мимо него. Их взгляды скользили, не задерживаясь. Он был для них вещью, сломанной игрушкой в руках чудака-авантюриста.

Его выходили. Нога срослась, но хромота осталась — не физическая, а какая-то внутренняя, ритмическая. Он хромал на душу. Авантюрист, которому он был теперь чем-то обязан, дал ему работу. Не работу — функцию. «Приглядывай. Запоминай. Иногда — пиши, если увидишь что-то стоящее».

Сначала он пытался вернуться к себе. К Марату. Тот человек составлял списки, следовал режиму, искал логику. Но логика Викие была иной. Она была логикой снов, логикой ржавеющих шестерёнок в непонятном механизме. Его старые списки превращались в абсурдные стихи. Распорядок дня разбивался о внезапные ночные гулы из-под земли, о крики невидимых существ на крышах. А главное — внутри была та самая пустота. Она не причиняла боли. Она просто была. Объём, который надо было чем-то заполнить. Но всё, что он пытался влить туда — воспоминания, правила, цели — просачивалось сквозь невидимые щели, как вода сквозь решето.

Внешние изменения пришли позже. Он начал худеть. Не от голода. От ненужности. Мышцы, годами лелеемые тренировками, истончились, стали сухими, жилистыми. Кожа, лишённая подкожного жира, натянулась на череп, на ключицы, на рёбра, обнажая чёткий, жёсткий каркас. Он стал лёгким. Невесомым. Одежда висела на нём, как на вешалке. Он смотрел в зеркало (редкая роскошь в Викие) и видел не человека, а схему человека. Анатомический рисунок, выполненный уверенной, безжалостной рукой.

Он перестал чувствовать холод. И жару. Острые углы мебели оставляли на его коже белые полосы, которые быстро исчезали. Однажды, в одной из драк в тёмном переулке (он искал драки, чтобы почувствовать *что-нибудь*), нож вошёл ему в бок и прошёл насквозь, не встретив сопротивления внутренностей, которых, казалось, уже не было. Он посмотрел на широкие глаза нападавшего, вытащил лезвие и бросил его на камни. Крови не было. Только тёмная, сухая щель, которая стянулась за несколько минут. В тот вечер его впервые назвали **Бестелесным**.

Другие называли **Исчадием**. Потому что он смотрел на людей. Не так, как смотрят люди. Без любопытства, без страха, без ненависти. Без жалости. Он смотрел, как смотрят на сложный механизм, который вдруг дал сбой. Он видел их страхи, их мелкие подлости, их дрожь — и не испытывал ничего. Пустота внутри была совершенным акустическим экраном. Ни один звук человеческой души не находил в нём отзвука.

Он обнаружил, что может не спать. Сон был попыткой бегства, а ему бежать было некуда. Он мог стоять часами, глядя в одну точку, слушая, как город дышит, скрипит, живёт своей нечеловеческой жизнью. Он начал писать. Не отчёты. Не дневники. Он записывал Викие. Его тексты были сухи, точны и ужасны. Он фиксировал, как ржавеет определённая балка на мосту, как меняется запах из определённой канализации после полуночи, как шепчутся между собой фонари на Улице Сломанных Фонарей. Его прозвали **Anasatose**. Это не было именем. Это было обозначением функции. Тот, Кто Пишет. Писец пустоты.

Его старое имя — Марат — окончательно отсохло и отвалилось, как струп. Иногда, в редкие моменты тишины (тишины снаружи, ведь внутри она была всегда), он пытался его вспомнить. Но это было всё равно что пытаться вспомнить вкус еды, которую никогда не ел. Ощущение было, но оно не имело формы, цвета, смысла.

Он стал скелетиком. Не в переносном смысле. Он стал архитектурой, лишённой плоти. Каркасом, на котором когда-то держался человек. И этот каркас оказался прочнее, выносливее, беспощаднее любого человека. Он не искал свою плоть обратно. Плоть — это боль, привязанности, страх, жалость. Плоть — это слабость. Его равновесие, его покой был в этой пустоте. В лёгкости. В тихом, неумолимом наблюдении.

Однажды, глядя на своё отражение в луже, он понял, что не видит там лица. Видит лишь контуры — впадины глаз, скулы, линию челюсти. И это было правильно. Лицо — это маска для других. Ему не для кого было её носить. Он был просто **Anasatose**. Пустая скорлупа, в которой гуляет ветер Викея, и чья костяная рука выводит на бумаге чёрные, как та бездна в овраге, знаки — хронику мира, который, как и он, давно забыл, каково это — быть целым.

Хроника Бестелесного: Чернила и Прах

Люди думают, что пустота — это когда внутри ничего нет. Они ошибаются. Истинная пустота — это когда внутри нет тебя. Когда эхо твоих собственных мыслей отскакивает от стен черепа, как голос незнакомца в заброшенном соборе. Моя пустота началась не с утраты, а с переполнения. Я был библиотекарем в Цитадели Вечных Фолиантов, и моё имя тогда было Элиас.

Цитадель была гигантским каменным ульем, свитым вокруг Древа Снов — огромного, мёртвого исполина, чьи ветви-балки пронзали залы насквозь. Моим миром был запах старого пергамента, пыли и тишины, нарушаемой лишь шелестом страниц да скрипом моей лестницы. Я не читал книги. Я их поглощал. Каждую историю, каждое заклинание, каждую исповедь, вписанную в телячью кожу, я впускал внутрь. Я был идеальным сосудом. И, как всякий переполненный сосуд, я начал трещать по швам.

Переломным стал день, когда я нашёл «Историю Безмолвного Короля». Книгу не читали веками. Её замок был не из металла, а из сросшихся костяных пластин, и открывалась она не ключом, а шёпотом. Я прошептал своё имя. «Элиас».

Замок рассыпался прахом. А внутри... внутри не было текста. Там была бездна. Чёрное, вязкое, мыслящее ничто. Оно не вырвалось наружу. Оно втянуло меня. Не тело — тело моё осталось стоять у пюпитра с остекленевшим взглядом, — а то, что было мной. Имя. Воспоминания. Страхи. Желания. Любовь к запаху дождя за высоким окном, страх высоты, боль от старой травмы колена, тепло первого поцелуя в тени Древа... Всё это было стянуто в единую нить — в моё имя, Элиас, — и выдернуто из меня, как некротик вытягивает яд из раны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.